

Check against delivery

Выступление представителя Российской Федерации на 5-й сессии Межправительственной рабочей группы по разработке юридически обязывающего документа о транснациональных корпорациях и других предприятиях в контексте прав человека

Общие комментарии

Благодарю Вас, господин Председатель,

В первую очередь, хотелось бы отметить обновленный проект Конвенции, подготовленный эквадорской стороной.

В данном выступлении кратко обозначим ряд общих подходов, имеющих принципиальный характер, из которых Российская Федерация будет исходить при обсуждении конкретных положений проекта.

1. Чрезвычайно широкий охват проекта по субъектному составу стал еще более «размытым». Если ранее речь шла о любой деятельности транснационального характера, осуществляемой ТНК и иными коммерческими предприятиями, то в новой редакции документа предлагается распространить действие конвенции не только на любую предпринимательскую деятельность указанных юридических лиц, безотносительно наличия в ней иностранного элемента (пункт 3 статьи 1, пункт 1 статьи 3), но и на государства и организации региональной интеграции, которым государства делегировали полномочия в этой сфере (пункты 2 и 5 статьи 1). Не может быть поддержана и идея искусственного расширения субъектного состава за счет введения термина «договорные отношения» и аналога института «снятия корпоративной вуали» (пункт 4 статьи 1 и

пункт 6 статьи 6). Исходим из того, что сфера применения Конвенции должна быть сужена до защиты прав человека при осуществлении деятельности ТНК.

2. Объем прав, защита которых будет регулироваться положениями будущей Конвенции, также сформулирован в самом общем виде, что не отвечает принципу правовой определенности. Хотели бы подчеркнуть неоправданность такого подхода, поскольку он может вызвать серьезные проблемы при реализации конвенции, учитывая, что объем и содержание прав, предусмотренных в национальном законодательстве, далеко не одинаков в различных правовых системах.

В пункте 2 статьи 1 проекта дается весьма широкое определение понятия «Нарушение или ущемление прав человека» («Human rights violation or abuse»), имеющее базовое значение для всего документа. Данное определение является не только неоправданно широким, но и выходит далеко за рамки правового регулирования таких основополагающих международных договоров в области прав человека, как Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Полагаем в принципе невозможным выстраивать режим будущего «юридически обязывающего документа» на основе такого определения.

3. Одним из ключевых определений проекта конвенции остается дефиниция термина «жертва». Российская Федерация настаивает на том, что это определение по-прежнему требует концептуальной переработки.

4. Некоторые положения проекта конвенции дублируют существующие и широко признанные в международном праве права человека. К примеру, статья 4 повторяет уже имеющиеся обязательства государств, что представляется избыточным. Следует отдельно отметить, что обязательства государства во многих случаях сформулированы вне их связи с транснациональной деятельностью юридических лиц, что в целом не относится к предмету будущей конвенции (в частности, пункты 7 – 12 статьи 4).

Кроме того, в статье 4 проекта содержится ряд положений, которые, как представляется, налагают на государства весьма широкие, далеко идущие обязательства и в ряде аспектов к тому же имеют дискриминационный характер, не отвечающий принципу равенства сторон судебного разбирательства.

5. Не можем признать оправданным закрепление в проекте безусловного обязательства государства по предоставлению эффективного механизма исполнения решений о возмещении ущерба от нарушения прав человека посредством оперативного исполнения национальных и иностранных судебных решений (пункт 14 статьи 4).

6. Как отмечали ранее, привлечение к уголовной ответственности юридических лиц – концепция, неизвестная многим правовым порядкам, в том числе российскому. Российская делегация настаивает на том, что проект конвенции должен устанавливать стандарты защиты прав человека в рассматриваемой сфере, а не предопределять конкретные механизмы, с помощью которого государство могло бы их обеспечивать, в том числе, конкретные виды ответственности. В

этом контексте полагали бы важным исключить, в частности, неоднозначную формулировку «эквивалент уголовной ответственности» («criminal liability and its equivalent»).

Вызывает вопросы и представленный перечень преступлений, в отношении которого государство должно установить уголовную, гражданскую или административную ответственность юридических лиц (пункт 7 статьи 6).

Не можем также поддержать пункт 9 статьи 6, который прямо предусматривает обязанность государств установить уголовную ответственность юридических лиц за уголовные преступления, как они определены в его законодательстве («criminal offences as defined by their domestic law»). Закрепление такой общей обязанности государства безотносительно к защите прав человека в конкретной сфере не может быть предметом проекта конвенции и не входит в мандат Рабочей группы.

Категорически возражаем против идеи отмены срока давности по широкому спектру деяний, подавляющее большинство которых явно не относится к тяжким международным преступлениям (таким, как военные преступления или преступление геноцида). Подобного рода «прогрессивное нормотворчество» нанесло бы серьезный ущерб основополагающим принципам уголовного правосудия и публичному порядку государств.

7. Не претерпели изменений положения проекта, касающиеся институционального механизма, который имеется в виду создать для реализации будущей конвенции (статья 13).

В правочеловеческой сфере уже существуют механизмы, деятельность которых потенциально будет перекликаться с функциями предусмотренных в проекте органов. Российская Федерация выступает за то, чтобы дискуссии по данному «разделу» проекта предшествовал предметный и обстоятельный анализ целесообразности создания новых органов, включая оценку затрат ООН на создание и обеспечение деятельности таких органов и их должностных лиц. Российская Федерация выступает с аналогичных позиций и в отношении вопроса создания Международного фонда для жертв, призванного обеспечить им правовую и финансовую поддержку (пункт 7 статьи 13). Полагаем заведомо преждевременной предметную дискуссию по этому «разделу» проекта в отсутствие разъяснений разработчиков относительно механизма формирования такого фонда и его порядка функционирования.

Господин председатель, это наши общие комментарии к проекту. Позвольте заверить Вас и коллег по Рабочей группе в готовности российской делегации к конструктивному обсуждению упомянутых и иных вопросов, связанных с проектом Конвенции.

